

Аой!

CCXLI

Князь лютичей схватился с Гинеманом,
Но граф его в щит расписной ударил,
Пронзил и раздробил на князе панцирь,
Вплоть до значка всадил копье в араба.
Хоть плачь, хоть смейся, – мертвым пал он наземь.
Французы, видя это, закричали:
«Бароны, в бой! Друзья, не отставайте!
Прав наш король, а нехристи не правы.
Вершит над ними ныне суд создатель».
Аой!

CCXLII

Вот мчит Мальприм на белом скакуне.
В ряды французов с ходу он влетел,
Удары сыплет, бьет что силы есть,
Нагромождает груды мертвых тел.
Эмир в тревоге к войску держит речь:
«Бароны, я вскормил вас с юных лет.
Мой сын пробиться к Карлу захотел,
Но он один, а христиан не счесть.
Бойца смелей я не найду вовек.
На выручку, иль ждет его конец!»
Пускают мавры вскачь своих коней.
Удар их тяжек, натиск их свиреп.
Столь беспощадный бой кипит везде,
Что не видал еще такого свет.
Аой!

CCXLIII

Могучи рати, и полки несметны.
Они уже вступили все в сраженье.
Язычники упорны и свирепы.
Творец как много сломано доспехов,
Изрублено щитов, копейных древков!
Взглянуть бы вам, как ими дол усеян.
Ковыль на нем с утра был свеж и зелен.
Теперь от крови взмок и побурел он.
Эмир опять кричит полкам неверных:
«Вперед, рубите христиан смелее!»
Упорна и ожесточенна сеча.
Такой еще не видел мир от века.
Одна лишь смерть противников разделит.
Аой!